

Новое известие - 2002 - 31 окт. - с. 7.

Японцы хранят нашу классику

Nippon ballet arts выступил на сцене РАМТа

**Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»**

В Японии, стране экзотических танцевальных традиций, любят классический балет. С тех пор, как в 1922 году в Стране восходящего солнца побывала Анна Павлова, ее жители прочно ассоциируют европейский танец с Россией. Первые японские танцовщики и балетмейстеры — Масахидэ Комаки, Йоко Каитани, Микико Мацуюма — обучались у русских педагогов, созданная в 1958 году Японская балетная ассоциация ориентируется на русскую школу, а самая именитая японская группа «Токио-балет» носит имя Чайковского.

Nippon ballet arts (в России гости предпочитают именоваться Национальной балетной академией Японии) еще не обладает многочисленными регалиями, но, судя по непрерывно обновляющейся афише и гастрольной активности, признание не заставит себя ждать. За спектакль «Вечер забытых балетов» группа получила Государственную премию Японии 2000 года. По словам художественного директора и хореографа Тецудзи Адачи, это означает, что за девять лет существования у Nippon ballet arts появился уникальный и весьма ценный для Японии стиль.

Как видно из показанного, уникальность труппы определяется подбором репертуара. Для каждого из трех отделений своя визитка: в первом — классическое наследие, во втором — современный танец, в третьем — традиционное японское искусство. Самым неудачным оказался экскурс японцев в сферу европейской современности. Композиция «Сквозь время и пространство» в хореографии Тецудзи Адачи, он же

Пантомим Куклики

сценограф, выглядела тягостно длинной (здесь большая вина заунывных медитаций композитора Дж. Виткина); беспроблемно мрачной (черные костюмы на черном фоне при минимуме света) и обескураживающе бессодержательной. И это несмотря на то что хореограф использовал максимум современных достижений в области композиции и реквизита. Безликие девушки, не очень совпадая друг с другом, принаравливались к складным металлическим стульчикам — вставали, садились, ложились, менялись местами; затем аналогично действовали столь же невыразительные юноши; под занавес все станцевали вместе. Самым запоминающимся моментом стал проход солиста через спинки составленных в шеренгу стульев: интрига циркового эквилибра (упадет — не упадет?) зал немного встряхнула.

Балету «Последний мост» ост-

рых моментов и интригующих ситуаций не занимать. В композиции по мотивам японской новеллы, кроме безымянных сутенеров, подружек, уажеров и путников, есть полный набор персонажей, необходимых для напряженного действия: благородная девушка из чайного дома (Рене Кодама) и влюбленный в нее отец семейства (Такаоки Сато); страдающая жена (Ая Ёсино) и брат, рдеющий за сохранение семейного очага (Данджи Иваки). В рамках одноактной композиции морализаторская притча укладывается благодаря корректному сочетанию двух на первый взгляд несочетаемых систем: классического танца и театра кабуки. От первого здесь плунты, жете, арабески и фуэте. От второго стилизованные декорации, живописные костюмы (парчовый, расшитый золотом плащ героини — готовый экспонат для музея) и точная, концентрированная пантомима, ко-

торая, собственно, и помогает коротко рассказать многособытийную историю.

Классику японцы представили вторым актом «Конька-Горбунка». Старинный балет, поставленный в 1864 году Артуром Сен-Леоном на музыку Цезаря Луни, воссознала московский хореограф Наталья Воскресенская, уже несколько лет курирующая в Nippon ballet arts классическое наследие. Впрочем, говорить о реконструкции в данном случае вряд ли уместно: никто сегодня не знает, как выглядел оригинальный сен-леоновский «Конек», а оставшиеся материалы и воспоминания слишком ненадежная основа для сколь-нибудь точной реставрации. Тем не менее зрелище получилось красивым. Любителям академической классики преподнесли роскошное гран-па с множеством вариаций и ансамблей, техничными солистками (Юмико Такума, Акико Фурукава) и почти синхронным кордебалетом.

В репертуаре Nippon ballet arts был еще один спектакль, в отношении которого упоминание о реконструкции не выглядит вольным допущением. Речь идет о тансимфонии «Величие мироздания» на музыку Бетховена, созданной Федором Лопуховым в 1923 году и воссозданной Воскресенской по подробной авторской рукописи. Видевшие балет говорят, что это колебь современнейшей неоклассики и полный словарь Джорджа Баланчина. Воскресенская должна была поставить судьбоносную вещь и в России, на сцене петербургского МАЛЕГОТа, но не сложилось. Вот такие, улыбки судьбы: японцы видели легендарный лопуховский балет, а мы нет. Обидно.